

Формирование политической идентичности в современной Беларуси

УДК 323(476)«20»

Леонид ЗЕМЛЯКОВ,
доктор политических
наук, профессор

Александр ШЕРИС,
кандидат политических
наук

Леонид ЗЕМЛЯКОВ, Александр ШЕРИС. Формирование политической идентичности в современной Беларуси. В фокусе внимания авторов статьи – идентичность как категория политической науки. Исследователи полагают, что становление политической идентичности в Беларуси опирается на ценность «Беларусь», понятие «народ Республики Беларусь» в социально-территориальном смысле и особое понимание политики идентичности. Отмечено, что государство является ключевым, но не единственным участником политики идентичности. Процесс конструирования политической идентичности и его результат могут выступать как фрейм экстраполитической идентичности.

Ключевые слова: идентичность, политическая идентичность, политика идентичности, Беларусь, народ Республики Беларусь.

Leonid ZEMLYAKOV, Aleksandr SHERIS. Forging political identity in present-day Belarus. The article examines the identity as a category of political science. The authors suggest that the political identity in Belarus is built upon the concepts of "Belarus" and "the people of the Republic of Belarus" in a social-territorial sense and special understanding of identity politics. The authors note that the state is the main yet not the only participant in identity politics. The process of forging the political identity and its result can act as a frame of extra-political identity.

Keywords: identity, political identity, identity politics, Belarus, the people of the Republic of Belarus.

Проблема идентичности сегодня активно обсуждается в различных областях социально-гуманитарных исследований. Особый интерес к ней на постсоветском интеллектуальном пространстве был реанимирован в 1990-е годы в связи с масштабным кризисом социального порядка, вызванным процессами не только внутренних кардинальных общественно-политических и социокультурных изменений, но и внешних, репрезентирующих наступление

глобализации. Последняя обозначила проблему идентичности на различных уровнях как одну из острейших. Глобализация породила ситуацию, при которой локальные субъекты мировых взаимодействий оказались перед необходимостью поиска, с одной стороны, своего места и роли в этих взаимодействиях, а с другой – сохранения собственных специфических особенностей в условиях, когда наблюдается тенденция к их нивелированию во всех сферах.

ОБ АВТОРАХ

ЗЕМЛЯКОВ Леонид Евгеньевич.

Родился в 1939 году в Читинской области (Россия). В 1968 году окончил отделение философии БГУ, в 1971 году – аспирантуру БГУ. Трудовую деятельность начал в 1958 году монтером Белорусской железной дороги. Был на комсомольской, партийной и преподавательской работе. С 1990 по 2003 год работал в Верховном Совете, Совете Министров, Палате представителей Национального собрания Республики Беларусь ведущим специалистом, главным специалистом, старшим референтом, заместителем заведующего отделом. В 2003–2005 годах – заведующий кафедрой Академии управления при Президенте Республики Беларусь. С 2005 года – профессор кафедры политологии БГУ. Доктор политических наук (2000), профессор (2001). Автор и соавтор более 240 научных работ, в т. ч. книг, учебных пособий. Сфера научных интересов: политическая наука, социальная философия, государственно-конфессиональные отношения.

ШЕРИС Александр Владимирович.

Родился в 1959 году в г. Дзержинске Минской области. В 1980 году окончил Киевское высшее общевойсковое командное училище, в 1993 году – Гуманитарную академию Вооруженных Сил РФ, в 2012 году – аспирантуру Академии управления при Президенте Республики Беларусь. Проходил военную службу на различных должностях офицерского состава в Вооруженных Силах Республики Беларусь. Полковник запаса. С 2010 года – заместитель директора Научно-производственного общества с ограниченной ответственностью «ОКБ ТСП». Кандидат политических наук (2014). Автор и соавтор более 40 научных работ. Сфера научных интересов: политология, национальная безопасность, идеологические процессы в современном обществе, религиоведение, государственно-конфессиональные отношения.

Это потребовало привлечения в инструментарий политической науки новых категорий, к которым, в частности, принадлежит и категория идентичности. Введение ее в исследование происходящих в Беларуси процессов, как будет показано ниже, видится необходимым. Одной из важнейших политических задач для нашей страны остается суверенное развитие и оптимизация общественных механизмов формирования гражданского самосознания, концентрированного вокруг государства как основного политического института. С этой позиции становится понятно, что становление и формирование идентичности, а также самоидентификации граждан приобретают, в частности для практики государственного управления, важнейшее значение. При этом нужно иметь в виду, что политическая идентичность граждан, самоопределяющихся в отношении государства (если угодно, гражданская идентичность), способна выступать не просто как политический, но и как социокультурный критерий самоопределения [1, с. 148]. И, по нашему мнению, в Беларуси она может представлять способ определения границ и характера иной идентичности, например, подобно тому, как мы склонны определять гражданским критерием границы белорусского общества или белорусской нации как общества или народа в пределах белорусского государства. Если сказанное справедливо, то можно утверждать, что наблюдается своеобразная политизация белорусской идентичности.

В политическую науку понятие идентичности попало в 1960-е годы через американских исследователей, участников «мичиганского проекта» по изучению механизмов электорального поведения. Так, было выяснено, что политический выбор граждан осуществляется не столько рационально, сколько на основании отождествления с себе подобными и определенной политической стороной (в американском случае – с одной из двух ведущих партий) [2, с. 14]. Несмотря на то, что политическая идентич-

ность поначалу понималась достаточно узко – как партийная, уже первые исследователи считали ее разновидностью социальной или производной от социальных условий. У последующих же исследователей эта «разомкнутость» политической идентичности проявилась еще отчетливее. Э. Геллнер, Э. Хобсбаум, Б. Андерсон и другие вскрыли роль государства и политических элит в формировании различных социокультурных идентичностей, которые понимались как чувство и осознание принадлежности к политическому и гражданскому сообществу, определяемому рамками государства. Сходную идею высказывали и многие российские авторы [2, с. 27–28].

Концепт идентичности первоначально означал отождествление индивида с неким другим индивидом, сообществом (в психоаналитическом смысле – даже с объектом) для обретения чувства темпоральной стабильности, позволяющей последовательно действовать. Со временем возникли концептуальные обоснования различных критериев социального самоотождествления, среди которых были не только критерии соотнесенности с социальной группой того или иного типа, но и негативный критерий (самоидентификация через отвержение аутгрупп), а также ряд критериев кризисной идентичности (идентичности в условиях процесса постоянных, интенсивных и кардинальных социальных изменений). В современных западных исследовательских версиях политическая идентичность выступает как концепт, который следует рассматривать в контексте наиболее масштабных глобальных, цивилизационных и социальных проблем: от конфликтов в мультикультурных обществах до гендерного насилия. Так или иначе, акцент делается на самоидентификации в определенных социокультурных условиях, которые тесно связаны с данным процессом и не позволяют понять его изолированно.

Методологически можно различать следующие подходы к пониманию концепта политической идентичности:

1) эссенциалистский и конструктивистский, когда идентичность может рассматриваться как нечто содержательно постоянное и имеющее некие незабываемые основания (так называемая «сильная» версия трактовки идентичности: например, которая в традиционном обществе неразрывно связана с неизменным социальным статусом); либо как нечто постоянно конструируемое, принципиально подвижное, изменяющееся («слабая» версия понимания идентичности, как в случае с современными ситуативными, кризисными, пересекающимися и т. п. идентичностями) [3, с. 164];

2) интерналистский и экстерналистский, когда идентичность понимается как результат относительно независимой активности самого субъекта, действия его внутренних механизмов (например, личности или сообщества) либо как результат внешнего воздействия социально-политических механизмов (например, практик осуществления власти), формирующих субъекта с заданной идентичностью. В последнем, экстерналистском, смысле механизмы формирования идентичности являются одновременно мощным средством политического управления;

3) аксиологический и инструменталистский, при которых идентичность, мыслимая в контексте политических процессов, представляется либо культивируемой (создаваемой) ценностью, направляющей эти процессы и влияющей на устройство общественно-политического порядка как такового (как в случае с национально-гражданской идентичностью), либо средством, позволяющим достигать важнейших политических целей (например, политической солидарности или легитимности власти).

Одна из существенных проблем, связанных с исследованием содержания политической идентичности, состоит в том, что при самоидентификации общественных субъектов и их социальной категоризации, а также применяемой исследователями типологизации могут использоваться одни и те же формаль-

ные дискурсивные маркеры (территориальные; этнические; гражданские; социальные; культурные), указывающие на содержательные границы идентичности.

Однако, обращаясь к этим маркерам, нужно учитывать два важных момента. Во-первых, отсутствие устойчивой связи формальных дискурсивных маркеров с содержанием идентичности в артикулированной самооценке субъектов. В частности, маркер этнической принадлежности может означать религиозную, гражданскую или культурную принадлежность, впрочем, как и наоборот (например, русский – значит православный; белорус – гражданин Республики Беларусь и т. п.). Во-вторых, один и тот же субъект обычно обладает набором различных идентичностей, которые могут пересекаться, налагаться друг на друга или использоваться ситуативно. В этом смысле достаточно сложно производить систематизацию самоидентификаций и типологизировать идентичность.

Идентичность, таким образом, оказывается важным моментом понимания социальных координат субъекта и его поведения. Белорусский социальный философ и историк социологии Г.Я. Миненков определяет ее так: «Идентичность – категория социального и гуманитарного знания, ориентированная на выявление и описание смысловых характеристик индивидуальных и коллективных действий в контексте (самоопределения принадлежности субъектов данных действий к тем или иным группам и/или сообществам и соответствующим ценностно-нормативным регуляциям» [4].

Действительная идентичность представляет собой динамичное, сложное явление, отражающее социальную близость или приемлемость для индивида норм, идеалов, ценностных установок и социокультурного места определенной группы. Ее следует понимать с учетом еще одного различия: узкого (прямого) и широкого (косвенного) измерения [3, с. 171]. Первое связывает политическую идентичность с вовлеченностью субъектов в соответствующие институцио-

нальные, групповые и межгрупповые процессы, второе представляет собой подобие политизированной манифестации территориальных, этнических, конфессиональных, культурных и иных неполитических идентичностей, то есть их проявление в политическом поле. Можно предположить, что политическая идентичность в большей степени предполагает именно узкое ее понимание. В этом смысле было бы уместно различать собственно политическую и политизированную идентичность (в смысле политического значения экстраполитической идентичности).

Согласно И.С. Семененко, политическая идентичность – «комплекс идейно-политических ориентаций и предпочтений, которыми субъекты политического процесса наделяют себя и друг друга в процессе коммуникации, и предполагает отождествление носителя политической идентичности с тем или иным политическим сообществом» [5, с. 71]. Это определение подтверждает, что о политической идентичности предпочтительнее говорить в конструктивистском и инструменталистском ключе, поскольку сама она не является чем-то постоянным и служит средством для политических взаимодействий и целей. При эссенциалистском и аксиологическом понимании политической идентичности можно представить, что она является в своей основе стабильным образованием, у которого должно быть некое устойчивое содержательное основание.

В постсоветский период в отечественном дискурсивном поле ярко обозначились проблемы вокруг белорусской идентичности. Соответствующая тематика репрезентирует разногласия не только исследователей в социально-гуманитарных науках, но также идеологические и политические. Не имея возможности детального прояснения в рамках этой статьи многих проблемных моментов, назовем лишь те, которые здесь целесообразны.

Во-первых, показательно само обращение к указанной проблематике и понимание того обстоятельства, что

идентичность выступает не только теоретической категорией, но и практическим концептом. Интерес, вызванный необходимостью поиска уникального белорусского пути, выводил интеллектуалов на данную тематику независимо от содержания идеологических предпочтений и политической позиции: проблемами вокруг идентичности в Беларуси прямо или косвенно заинтересовались историки, социологи, философы, что привело к выявлению и обоснованию ряда идей, раскрывающих содержательную специфику ситуации с идентичностью в стране.

Во-вторых, выяснился проблематический характер ряда западных концепций в данной области. Например, оказалось, что западноевропейские модели социальной модернизации, становления наций, формирования национального самосознания, политики идентичности и т. п. не совсем пригодны для анализа белорусской ситуации, вследствие чего остро встал вопрос поиска языка аналитического описания указанных проблем. В частности, с позиций западных моделей получалось, будто довольно значительная часть белорусов живет в традиционном обществе с присущей ему соответствующей идентичностью (свидетельство тому – приводимая ниже Л.Г. Титаренко модель локально-«тутэйшай» идентичности). Возникающие в связи с этим трудности неудивительны, поскольку с западных позиций белорусы попадают в ситуацию так называемой «догоняющей» модернизации, в том числе и в сфере формирования национального самосознания.

В-третьих, были выявлены и сегодня стали общепризнанными такие специфические содержательные особенности идентичности белорусов, как исторически сложившийся переходный (между Востоком и Западом), трансграничный (пограничный) характер. Понимание того, что ситуация вокруг идентичности в Беларуси уникальна и не может быть редуцирована ни к российским, ни к западноевропейским, ни к каким-либо еще социокультурным реалиям, подтвержда-

ется и при фокусировке на политической идентичности в нашей стране.

Л.Г. Титаренко на основании социологических исследований выделяет четыре основных типа национальной белорусской идентичности:

«гражданская (самоотождествление с гражданами Республики Беларусь, которую «часто» выбирает около четверти опрошенных);

территориальная (отождествление «мы» – группы с жителями Беларуси, которую «часто» выбирает более пятой части респондентов);

локально-«тутэйшая» («мы» – группа как жители малой родины, т. е. своего села, города, которую «часто» выбирает пятая часть населения);

советская («мы» – советский народ), данный тип идентичности остается часто выбираемым значительной группой населения (в 2007 – до 15 %), хотя он по естественным историческим причинам является исчезающим» [6, с. 11–12].

Интересно, и на это специально указывает ученый, что территориально-локальная идентичность «постепенно замещается на гражданскую» [6, с. 13].

Некоторые варианты критики исследовательских позиций свидетельствуют о значении проблематизации политической идентичности. В тех исследованиях, которые явно не касаются ситуации с политической идентичностью в Беларуси, при определенном взгляде могут быть найдены неявные отсылки к политическому или идеологическому фрейму. В частности, в монографии Л.И. Науменко гражданская идентичность трактуется как одна из субидентичностей, наряду с территориальной, этнической и культурной, причем не имеющей ведущего значения для самоидентификации белорусов [7]. Критикуя данное исследование, А. Браточкин отмечает, что политическое измерение идентичности фактически выпало из поля зрения автора, а само по себе желание комплексно представить белорусскую идентичность как «аполитичную», свидетельствует не только о неполноте осуществления научного замысла, но и об

определенных идеологических рамках [8].

Независимо от отношения к такого рода критике отметим: даже в случае, если указанная неявная идеологизация не имела места, латентность политического измерения идентичности сама по себе симптоматична, поскольку политизация и идеологизация исследований идентичности в Беларуси не является надуманной. Это проявляется начиная с методологического уровня: сами подходы предполагают стоящие за ними идеологические проекты. Статья Д.К. Безнюка, описывающая различные проекты идентичности через версии национализма в Беларуси (от европейского до «креольского» варианта), так или иначе отстраивает методологический обзор вокруг политизированных проблем, что предполагает само содержание излагаемого материала, где самые острые вопросы национального самосознания концентрируются именно вокруг стратегических политических ориентаций [9]. Правда, по мнению автора, для самих белорусов, поскольку они склонны сосредотачиваться в большей мере на социальных аспектах, все эти версии не столь актуальны. На то же обстоятельство указано в данных из Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь за 2016 год. Так, среди актуальных для себя проблем большинство респондентов (72 %) отмечают, прежде всего, благосостояние (в контексте роста цен) [10, с. 11], а политическую ситуацию оценивают в целом как спокойную (71,5 % опрошенных) [10, с. 14]. На волнующие их политические противоречия внутри страны указывает лишь 1 % белорусских граждан [10, с. 11]. Однако в международной обстановке жителей страны беспокоит, прежде всего, ситуация в Украине (59 % респондентов) [10, с. 33], это, в свою очередь, может свидетельствовать о достаточной открытости белорусов для восприятия политических проблем.

В целом нужно отметить, что, несмотря на некоторую политизированность в

одних вопросах и деполитизированность в других, граждане Беларуси демонстрируют ситуацию с идентичностью, которая не допускает исключения политического аспекта. И центральная роль в формировании политической идентичности белорусов сегодня принадлежит государству как основному институту реализации особой политики идентичности.

В социальных и политических исследованиях политика идентичности понимается в двух основных смыслах, которые, как справедливо утверждает Е.Ю. Цумарова, соответствуют различию *politics* и *policy* [11], т. е. политике как процессу взаимодействия (если угодно, борьбы) различных субъектов в публичном пространстве для реализации своих интересов – в первом случае; и политике как реализации определенной стратегии, направленной на формирование идентичности – во втором.

Само понятие политики идентичности появилось в западном академическом лексиконе с конца 1970-х годов в связи с борьбой угнетенных социальных групп и меньшинств за свои права. При этом предполагалось, что сами группы такого типа формируют определенную идентичность у своих членов и борются за ее признание со стороны иных групп с целью улучшить свое положение. Проблема, таким образом, состояла в том, что некоторые социальные меньшинства оказывались исключены из гражданского демократического поля, вследствие чего ими выдвигались требования, связанные с возвращением в политическое пространство. Именно в таком смысле используется сегодня указанный термин в западной науке в большинстве случаев [12]. Кроме того, появилось также дополняющее его понятие «группа идентичности» с соответствующими попытками определения критериев для отнесения к таким группам и их типологии [11, с. 7–8]. В качестве основного ресурса политики идентичности традиционно рассматривается символический ресурс, который и позволяет обозначать группам иден-

тичности свое присутствие в дискурсивном поле и влиять на него.

Другое понимание политики идентичности – как политического курса – применяется к процессам влияния и управления элит посредством символических средств на самоидентификацию народных масс. Исторически такая ситуация была связана с модернизацией западных обществ, когда элиты внедряли различные проекты нациестроительства для массового потребления. В этом смысле всякое национальное государство всегда выступает основным субъектом нациестроительства и заинтересовано в политике идентичности, поскольку любая нация нуждается в поддержании внутренней солидарности или минимума единства для самосохранения и развития. С этой целью элитами конструируются образы самопонимания, дающие носителям создаваемой идентичности определенные представления и чувства, раскрывающие специфику своей истории, культуры, этноса и т. п. Однако государство, поскольку оно обладает властным ресурсом, это основной, но не единственный актор политики идентичности. И.С. Семененко определяет политику идентичности как «деятельность государства и других субъектов политического процесса, направленную на формирование совокупности ценностных ориентиров, практик, целью которой является формирование и поддержание национальной, гражданской и иных форм макрополитической идентичности, ориентиров развития национального сообщества и идентичностей групп и сообществ внутри него» [13].

Политика идентичности подразумевает деятельность политических акторов по формированию трех основных составляющих идентичности: когнитивной – представлений «мы – сообщество», эмоциональной – чувства принадлежности к такому сообществу, и деятельностной (поведенческой) – особых социальных практик, формирующих и закрепляющих солидаризирующие модели взаимодействий. Формирующее влияние такого рода и есть цель политики идентичности. Основными ее средства-

ми являются символические средства и соответствующая им ритуализация. В этом смысле значительная роль в политике идентичности отводится созданию универсального для нации (народа) инклюзивного дискурсивного пространства, т. е. такого, которое способно потенциально включать всех субъектов общественно-политического процесса. Это выражается в выработке моделей социально-политических взаимодействий, объединяющих политических акторов в политическое сообщество.

Поскольку динамика формирования политической идентичности предполагает фазы кризиса, особое значение приобретает управление кризисами идентичности. Профессор В. Хёсле утверждает: «Политики, однако, пока еще не поняли, что одной из главных задач великого государственного мужа должна быть организация рационального контроля над кризисами идентичности и, если возможно, участие в устройении новой, более разумной идентичности» [14, с. 121].

Современный контекст глобальных политических процессов связан с факторами ослабления идентификационных основ жизни общества, что заметно и в Беларуси. Утрата такой идентичности как «советский народ», деформация белорусской ментальности и размывание базовых культурных и нравственных ценностей представляют собой потенциальную угрозу национальной безопасности и требуют совершенствования теории и практики реализации государственной политики [15]. Говоря о политике идентичности белорусского государства, вероятно, необходимо вести речь не о создании искусственного идеологического или макрополитического продукта, а буквально о «формировании», то есть придании формы уже существующему содержанию коллективных представлений и социальных практик. И, прежде всего, речь идет об особом осмыслении и предложении базовых универсальных принципов, определяющих основы солидарной общественно-политической жизни субъекта, представленного в основных

документах Республики Беларусь как «народ Республики Беларусь».

Рассуждая об идентичности как социально-политическом конструкте, следует иметь в виду, что в качестве возможного материала формирования идентичности могут служить определенные социокультурные и исторические особенности идентичности – своеобразный «строительный материал», на который позднее наслаиваются идеи и представления об идентичности. Существенным моментом для белорусской ситуации в этом смысле выступает формирование идентичности в направлении выработки и актуализации социально-политического интереса индивидов и групп, размыкающего рамки ближайшего социального окружения для отдельных индивидов и преодолевающего локальные интересы отдельных социальных групп. Важнейшим символическим средством этого процесса является идеология белорусского государства, основные принципы которой закреплены в Конституции Республики Беларусь. Следуя преамбуле Конституции, определяется основной субъект политической идентичности – народ Республики Беларусь [16]. Постараемся внимательно отнестись к этому ключевому понятию.

Использование понятия «народ» в политике национальных государств общепринято. Это метафоричное понятие в политическом смысле могло означать человеческий базис общества, над которым надстраивается элита. В таком статусном смысле слово народ могло использоваться для обозначения объекта политического воздействия со стороны правящей группы. Содержательно данное понятие имеет, по крайней мере, две основные трактовки: примордиалистскую (народ как этнос или нация в этническом смысле, где индивиды объединены по естественному происхождению) и конструктивистскую (где отличительными признаками являются культурные образования – язык, история, религия и т. п.). В политической трактовке «народ» (например, в качестве

субъекта власти) – то же, что и «нация» в гражданском смысле. Традиционно понятие «народ» трактуется через метафору общности (например, «исторически сложившаяся общность»). Мы хотели бы предложить иную интерпретацию – в интересующем нас здесь с позиций политики идентичности ключе.

При содержательном определении народа как общности может возникнуть достаточно жесткая конструкция, в которой отличительные политические признаки могут быть поняты как производные от признаков социокультурных или даже примордиальных, в результате чего повышается риск исключения некоторых групп из состава такой общности. В случае же, когда народ определяется политически только по формальному признаку гражданства, появляется опасность трактовать его в смысле «населения». Мы предлагаем в трактовке понятия «народ» перейти от метафоры общности к социально-территориальной метафоре, то есть понимать народ не как общность в социологическом смысле, а как все гражданские субъекты в открытом общественно-политическом пространстве Беларуси, не подразумевающим исключения из него вследствие культурных, социальных и каких-либо иных особенностей. При этом будет допускаться разнообразие так называемых макрополитических идентичностей (т. е. этнических, культурных, религиозных и т. п.), но политический фрейм будет задан достаточно отчетливо той особенностью, о которой речь шла выше: в движении от локального интереса (индивидуального или группового) к интересу, направленному на благо Беларуси. Иными словами, речь идет о главной ценности общественно-политического процесса, каковой является Беларусь. В этом смысле субъекты с различным социокультурным содержанием идентичности будут способны внести свой вклад в общественно-политический процесс, направляемый этой ценностью. Политическая идентичность и политика идентичности государства, заданная ценностью «Беларусь», таким образом, будут

действительным фреймом всякой экстраполитической идентичности. Государству при этом отводится роль основного института, создающего посредством политики идентичности базовые условия для развития общественно-политического процесса. ▀

Статья поступила
в редакцию 06.12.2018 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Тишков, В.А. Идентичность и культурные границы / В.А. Тишков // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / Под ред. М.Б. Олкотт, В. Тишкова, А. Малашенко. – М.: Московский центр Карнеги, 1997. – С. 15–43.
2. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробизева. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. – 485 с.
3. Фадеева, Л.А. Идентичность как категория политической науки: исследовательское поле и когнитивный потенциал / Л.А. Фадеева // Политическая наука. – 2016. – № 2. – С. 164–180.
4. Миненков, Г.Я. Идентичность как предмет политического анализа / Г.Я. Миненков // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. / Институт мировой экономики и международных отношений Российской академии наук. – Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / [отв. ред. И. С. Семененко]. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 18–25.
5. Семененко, И.С. Политическая идентичность / И.С. Семененко // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. / Институт мировой экономики и международных отношений Российской академии наук. – Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / [отв. ред. И. С. Семененко]. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 71–75.
6. Титаренко, Л.Г. Модели национальной идентичности населения Беларуси и перспективы их развития / Л.Г. Титаренко // Философия и социальные науки. – 2009. – № 1–2. – С. 9–13.
7. Науменко, Л.И. Белорусская идентичность. Содержание. Динамика. Социально-демографическая и региональная специфика / Л.И. Науменко. – Минск: Беларуская навука, 2012. – 205 с.
8. Браточкин, А. «Аполитичное» исследование белорусской идентичности [Электронный ресурс] / А. Браточкин // Новая Европа. – 2014. – 16 янв. – Режим доступа: http://n-europe.eu/tables/2014/01/16/apolitichnoe_issledovanie_belarusskoi_identichnosti. – Дата доступа: 28.11.2018.
9. Безнюк, Д.К. Современная белорусская идентичность: методологические и социальные реалии / Д.К. Безнюк // Белорусская идея: история и реальность. Национально-государственная идентичность и общественные настроения в странах Евразийского экономического союза: сб. статей / Сост. П.В. Святенков. – М.: АНО «Аналитический центр инновационных проектов и технологий», 2016. – С. 57–75.
10. Республика Беларусь в зеркале социологии: сборник материалов социологических исследований за 2016 год / Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь. – Минск, 2017. – 208 с.
11. Цумарова, Е.Ю. Политика идентичности: politics или policy? / Е.Ю. Цумарова // Вестник Пермского университета. Политология. – 2012. – № 2. – С. 5–16.
12. Ачкасов, В.А. Политика идентичности в современном мире / В.А. Ачкасов // Вестник СПбГУ. Сер. 6. – 2013. – Вып. 4. – С. 71–77.
13. Семененко, И.С. Национальные практики формирования гражданской идентичности: опыт сравнительного анализа / И.С. Семененко // Идентичность как предмет политического анализа: сб. статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции, ИМЭМО РАН, 21–22 окт. 2010 г. / Редколлегия: И.С. Семененко (отв. ред.), Л.А. Фадеева (отв. ред.), В.В. Лапкин, П.В. Панов. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – С. 86–101.
14. Хёсле, В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности / В. Хёсле // Вопросы философии. – 1994. – № 10. – С. 112–123.
15. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 // Сайт Комитета государственной безопасности Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://kgb.by/ru/ukaz575>. – Дата доступа: 15.12.2018.
16. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.